

УДК 811.161.1'271"19"(045)

*Е.П. Дулесов***«НАРОД СВОЙ ОТЧИЙ СТРОИЛ ДОМ, / СЛАГАЛ РУСИ ДЕРЖАВНОЙ ЗДАНЬЕ»:
МЕТАФОРА ДОМА В ДИСКУРСЕ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX В.**

Статья посвящена анализу метафорической модели «Государство – это дом» в дискурсе русских националистов начала XX в. Установлено, что метафора дома многофункциональна: она используется в рамках как конфронтационной, так и кооперационной коммуникативной стратегии. Чаще всего она высвечивает идею господствующего положения русского народа. В этом случае ее можно рассматривать как часть экономической метафорической модели, интерпретирующей Российскую империю как имущество, принадлежащее русскому народу. Правые политики и публицисты рассуждают следующим образом: русский народ построил дом (создал Российскую империю), значит, он является хозяином этого дома, а все остальные народы – его гости, которые могут рассчитывать на радушный прием, но не вправе предъявлять хозяину свои требования. Тем самым основополагающая для политического дискурса оппозиция «свои – чужие» приобретает вид метафорической антитезы «хозяин – гости». Еще более конфронтационными являются метафоры, представляющие сепаратистов как разрушителей общего дома. Вместе с тем русские националисты эксплуатируют метафору дома и в другой функции – для профилирования идеи единства разных народов в составе Российской империи, для демонстрации нерусским народам готовности к сотрудничеству.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, политический дискурс, русский национализм, политическая метафорология.

Общепризнанно, что в осмыслении таких сложных феноменов, как политика, метафора играет ключевую роль. Дж. Лакофф и М. Джонсон в известной работе «Метафоры, которыми мы живем» убедительно показывают, что метафора – это не просто стилистическое украшение, один из «цветов красноречия», это важный инструмент познания, «единственный способ восприятия и осознания в опыте большей части действительности» [7. С. 253]. В когнитивной лингвистике метафоризация рассматривается как взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры источника (в другой терминологии **сферы-источника**) и когнитивной структуры цели (в другой терминологии **сферы-мишени**) [3. С. 29]. Совокупность метафор, имеющих общую сферу-источник, составляет ту или иную **метафорическую модель**.

Устойчивые соответствия между сферой-источником и сферой-мишенью, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, называются **концептуальными метафорами** («Время – это деньги», «Спор – это война», «Жизнь – это путешествие» и др.) [3. С. 32]. Одним из центральных концептов политической сферы является «государство». По мнению Э. Рингмара, почти невозможно дать точное определение государства, зато его можно сравнить с чем-то другим, и европейская культура выработала несколько метафор для осмысления этого концепта: «Государство – это тело», «Государство – это семья», «Государство – это механизм», «Государство – это кибернетическое устройство» [16] и некоторые др. «Разные способы структурирования концепта с помощью метафор служат различным целям, высвечивая различные аспекты понятия» [7. С. 129] и затемняя другие. Каждая из концептуальных метафор государства предлагает свой взгляд на его внутреннее устройство и функционирование, а соответственно свой способ организации политической деятельности. Именно поэтому критики существующего социального порядка дискредитируют официальную метафору государства и предлагают свою, альтернативную [16].

Как отмечает А.П. Чудинов, «дом – важнейший культурный концепт в человеческом сознании, это традиционный для мировой культуры источник метафорической экспансии» [11. С. 211]. «Со времен Маркса, – пишет Н.Д. Арутюнова, – стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение (Aufbau). Эта метафора позволяет выделять в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [2. С. 379]. При осмыслении социальных и политических реалий метафора дома оказывается задействована в дискурсе разных стран и разных политических направлений в разные исторические периоды.

В советском политическом дискурсе метафора здания и строительства относилась к числу доминантных. При этом «для каждого периода жизни советского государства характерны свои особенности функционирования domestic метафоры» [1. С. 174], то есть метафоры дома. Так, «в 20-е

годы были актуальны в равной мере два компонента исходной метафоры – разрушение старого порядка и постройка нового дома для братства народов» [1. С. 174]. Политики и официальные СМИ метафорически представляли создание социалистического общества как строительство, советских граждан – как строителей, а В.И. Ленина и И.В. Сталина – как архитекторов, зодчих [8. С. 27]. Ключевая метафора *перестройки* как название доктрины М.С. Горбачева обусловила особую активность архитектурной метафорической модели в российском политическом дискурсе второй половины 80-х годов XX века. Метафорическое осмысление государства как здания помогало конструктивно осмыслить действительность и высвечивало идеи «рациональной деятельности (рационального поведения), контроля и создания оснований для нового – для новой политики, новой страны, новых отношений между людьми и т. д.» [3. С. 304]. После распада Советского Союза метафора дома продолжает оставаться одной из доминантных в 90-е годы, о чем свидетельствует хотя бы название политической организации «Наш дом – Россия» во главе с В.С. Черномырдиным.

Сферой-мишенью метафоры дома становится и внешняя политика. В начале 90-х годов XX века М.С. Горбачев вводит в оборот метафору «Европа – это наш дом» взамен конфронтационной метафоры *железный занавес*. А.П. Чудинов считает, что новая метафора выполняла прежде всего гипотетическую функцию, позволяя представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта: «Точные формы отношений между вчерашними врагами были еще неизвестны, но метафора, используя хорошо знакомую понятийную основу с ярким эмоциональным ореолом, создавала по крайней мере представление об общих принципах отношений» [10]. Метафора дома, использованная М.С. Горбачевым, распространилась во всех национальных дискурсах европейских стран. Так, восстановление единства Германии рассматривалось как объединение двух комнат в одну квартиру в пределах европейского дома [14].

В дальнейшем метафора общеевропейского дома «была практически монополизирована западными политиками (и, прежде всего, немцами), которые больше не рассматривали нестабильную и бедную Восточную Европу (и, прежде всего, Россию) в качестве полноценных „жильцов“ „европейского дома“, а из российской политической риторики данная метафора исчезла» [6. С. 98]. Другими словами, в концептуальной метафоре «Европа – это дом» под Европой стали понимать не европейский континент в целом (включая Россию), а только Европейский союз. Сегодня метафора «ЕС – это дом» регулярно используется в политическом дискурсе, при этом расширение Евросоюза сравнивается со строительством или вхождением в дом новых членов, так называемые еврократы – с архитекторами, ведущие европейские страны (прежде всего Германия) – со столпами, опорами, независимые государства-члены – с отдельными квартирами или жильцами дома и т. п. [6; 13; 14]. Для обозначения выхода Великобритании из ЕС СМИ используют неологизм *Brexit*, возникший из слов *Britain* 'Британия' и *exit* 'выход' (то есть выход из европейского дома).

Метафора дома была распространена и в дискурсе русских националистов начала XX века, игравших не последнюю роль на политической сцене Российской империи. По нашим подсчетам, метафорическая модель дома занимает 6-е место по частотности в корпусе, состоящем из 152 текстов. К ней принадлежит 6,7 % всех использованных метафор (111 метафорических контекстов). При этом к метафорическим моделям семьи и неживой природы, которые делят 5-е место, относится примерно такое же количество метафор (по 115 контекстов).

Метафора дома в дискурсе русских националистов многофункциональна. В подавляющем большинстве случаев она используется для того, чтобы доказать, почему именно русские должны занимать привилегированное положение в Российской империи. При этом умаляется значение представителей других народов, входящих в империю. С точки зрения русских националистов, мнение инородцев не так существенно по сравнению с мнением русского народа, ибо только он обладает всеми законными правами в своей стране.

Метафорическую модель дома можно рассматривать как часть (субмодель) в составе большой метафорической модели, которую мы условно назовем экономической моделью. В рамках этой модели Российская империя интерпретируется как принадлежащий русскому народу физический объект – *имущество, собственность, добро* ('имущество, вещи, пожитки'), *имение* (устар. 'имущество, собственность' [4]). Процесс приобретения новых территорий в результате войн сравнивается с *покупкой собственности*. Ценой же стали многочисленные жертвы со стороны русского народа:

„Куплено нашею кровью“, – говорят о завоеванных провинциях в народе. Если прибавить эту оплаченность завоеванного ценою крови, ценою жизней тысяч и десятков тысяч людей, то стои-

мось завоеванных земель **окажется чрезвычайно высокою. Приобретал** эти земли весь народ, – но преимущественно армия. <...> **За все заплачено:** и полякам не о чем тут разговаривать, как равно финнам и армянам. У них есть жительство в этой стране, но никакой **собственности** на нее. **Собственность** – у русских, наша (В.В. Розанов. Окраинные вопросы в Г. Думе).

Русский народ получил этот объект собственности в наследство, это его **заповедное национальное владение из рода в род, законное отчее наследие** (Н.И. Герасимов). Поэтому русские должны передать его в целостности и сохранности своим потомкам. Либералы, готовые поступиться державными правами русского народа и предоставить окраинам автономию, признаются *мотами, расточителями*:

И если мы, как блудный сын, получив от отцов великое наследие, расточим имение, живя распутно, тогда ни жалости, ни сочувствия мы не будем достойны ни от народов, ни от Бога... (Н.И. Герасимов. В защиту русского национализма).

В некоторых случаях конкретизируется характер собственности, которую представляет собой Россия. Например, это может быть фирма, главный пайщик которой – русский народ.

Россия – это мы, наше племя. Остальные народности... имеют свой пай и вклад, но основной капитал государственности – наш и фирма – наша (М. О. Меньшиков. Велikorусская партия I).

Но чаще всего, чтобы высветить идею первенствующего положения русского народа, правые политики и публицисты изображают Россию именно как дом. Особо активно к подобной метафоре прибегал В.А. Грингмут, один из главных идеологов черносотенного движения. Он развернул следующую логическую цепочку: русский народ построил дом (создал Российскую империю), значит, он является хозяином этого дома, а все остальные народы – всего лишь его гости, которые не имеют никакого права диктовать хозяину свои условия.

Русский человек... должен чувствовать себя „дома“ в своем доме. В какую бы комнату этого дома он ни вошел, в немецкую, грузинскую, польскую или финляндскую, – всюду он должен чувствовать себя хозяином, а не гостем (из статьи «Благое ли мы делаем дело?»).

Метафорическую антитезу «хозяин – гости» можно встретить в текстах и других русских националистов.

...Можно ли интеллигенции безнаказанно игнорировать „правосознание“ той сотни миллионов коренных русских граждан, которые... не намерены поступаться своими правами народа-хозяина в пользу завоеванных им в разные эпохи или вторгшихся исподтишка народов-гостей? (А.С. Будилович. О политических мечтаниях 170 профессоров и преподавателей).

Исповедуемый нами принцип не сеет вражду, но служит простой справедливости; ибо ключи от русского дома должны быть в русских руках (А. С. Вязигин. Россия для русских).

В такой функции метафора дома эксплуатируется особенно часто при осмыслении еврейского вопроса. Русские националисты подчеркивают, что русский народ великодушно *приютил* евреев у себя дома, но неблагодарные гости стали предъявлять хозяину свои требования. К. Н. Пасхалов обращается к недовольным евреям: *Какое же право может иметь гость, хотя бы даже желанный, на одинаковые права с хозяином? Он может пользоваться только гостеприимством в предоставляемых ему границах. Не нравится – скатертью дорога, ищите более гостеприимный дом* (из статьи «Еврейские притязания»). Соответственно, сохранение черты оседлости консервативный публицист мотивирует тем, что в любом доме есть комнаты, в которые гостям запрещается входить. Эту же метафору использует, доводя до абсурда, М.О. Меньшиков. Иронически разворачивая либеральный тезис «все люди – братья», он приходит к выводу: *Всякий гость с улицы и даже целая ватага гостей вправе забраться к вам в гостиную, в столовую, в спальню, кладовую и разделить с вами все прелести семейной жизни...* (из статьи «Расовая борьба»).

Помимо изображения русского народа как *полноправного хозяина в своем доме*, метафорическая модель дома может использоваться и в другой функции – для профилирования идеи единства разных народов в составе Российской империи. В этом случае метафора дома сближается с семейной метафорой: с их помощью создается лексико-семантическое поле «свои». В условиях усиления сепаратистских стремлений на окраинах русские националисты с помощью подобных метафор стремятся снизить градус напряжения, успокоить инородцев, показать, что все народы дружно и счастливо живут в Российской империи. Как отмечает А.П. Чудинов, понятийная сфера «дом» «имеет высокий эмоциональный потенциал: отчий дом, родительский дом, собственный дом, домочадцы, семейный очаг, семейный быт, обустройство дома и даже домашние животные – все эти понятия способны пробуждать добрые чувства» [12]. Метафоры дома и семьи могут высвечивать идею дружелюбности,

семейственности, любви, реализуя тем самым кооперационную речевую стратегию, направленную на демонстрацию аудитории готовности к сотрудничеству, к совместной речевой и политической деятельности [5. С. 85].

Общеизвестно гостеприимство русского народа: народы, вошедшие в состав Российской империи, были им радушно приняты, *пригреты*:

Литва, белорусы, грузины – все у нас свои люди, все сидят за русским столом, без кичливости над ними хозяина. Им не подают грязных салфеток, не обносят кушаньем (В.В. Розанов. Привислинские публицисты у московского «князя» в гостях).

В наших иноплеменных согражданах желаем видеть братьев по духу, новых, младших русских, и от души принимаем их в свою родную, кровную семью. Говорят, на доме одного великого грека была надпись: „здесь всякий найдет мир и высшее благо“; это и русское радужное слово, и наш государственный привет (Н.И. Герасимов. В защиту русского национализма).

В последнем примере гармонично сочетаются семейная метафора и метафора дома.

Любопытно, что сепаратисты и оппозиционеры в своих текстах часто использовали прямо противоположный образ: если у русских националистов Россия – это *общий дом, дружная семья*, то в оппозиционном дискурсе – это *тюрьма*. Автором метафоры считается французский писатель и путешественник Астольф де Кюстин, посетивший Россию в 1839 году. В своих путевых записках он писал: *Сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора*, имея в виду бедственное положение всех народов в самодержавном государстве [9]. Оппозиционеры начала XX века подхватили этот образ, сделав упор на угнетении нерусских народов в России:

Запрещение честования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. <...> После этой меры миллионы и миллионы „обывателей“ стали... убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть „тюрьма народов“ (В.И. Ленин. К вопросу о национальной политике).

„Княжения и народы“ влеклись, как закованные невольники, за триумфальной колесницей правящей бюрократии... Тюрьма народов разрасталась и распространяла свои помещения, увеличивала свои штаты и оклады и умножала армию наемных из отбросов тех же народов опричников, охранявших камеры арестованных и разрабатывавших все новые и новые способы предупреждения и пресечения (М. С. Грушевский. Единство или распадение?).

Идея единства в дискурсе русских националистов выражается с помощью метафор *общий дом, фундамент, цемент, строительный материал*. С точки зрения депутата-националиста С.Н. Алексеева, *цементом*, который будет спаивать здание Российской империи, должен стать *единый русский государственный язык*. Идеолог консервативной мысли В.Л. Величко считает, что инородцы, *обладающие территорией и самобытно-государственным прошлым, могут дать государству хороший „строительный материал“* (из статьи «Инородцы и окраины»). Далее он перечисляет те самые положительные черты разных народов, которые могут быть использованы для общегосударственного блага, например, склонность к порядку – у немцев, талантливость, окрыленная воображением, – у поляков, упорство – у финнов, мужество – у грузин и т. д.

Соответственно, если Российская империя – это *общий дом*, то любые сепаратистские требования рассматриваются как попытка разрушить этот дом, а значит, как абсолютное зло для всех жителей России. В подобных контекстах русские националисты эксплуатируют метафору дома для того, чтобы создать агрессивный образ сепаратистов и сформировать лексико-семантическое поле «чужие». Ощущение угрозы целостности государственного здания создается с помощью транзитивных глаголов с семантикой разрушения и существительных, образованных от подобных глаголов, – *расшатать, повалить, разрушить, подкапывание, распайка*, прямым объектом при них выступают слова и словосочетания *Россия, государственный строй, политические устои, самодержавное государство*. Возможный результат деструктивной деятельности сепаратистов описывается с помощью лексемы *развалины*:

...Украиноманы жаждут... внешнего разгрома России, помешавшись на сумасшедшей мечте создать на развалинах великой России „самостийну Украину“ (А. И. Савенко. Заметки).

Кроме того, пейоративный смысл метафоры разрушения дома может акцентироваться с помощью прецедентных феноменов.

*Неунывающие оптимисты говорят нам: полноте, все это несбыточные мечты. Правда, так и должно бы быть, но не забудем, что Россия такая необыкновенная страна, в которой могут происходить самые невероятные вещи. „Чтобы **построить Эфесский храм**, – говорил Карлейль, – нужен был огромный труд множества умов и рук, целый ряд жизней, а для того, чтобы **разрушить**, достаточно было одного безумца и одного часа времени“* (Н.И. Герасимов. В защиту русского национализма).

Н.И. Герасимов накладывает метафору дома на **прецедентную ситуацию** – «хорошо известную историческую ситуацию, событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой» [11. С. 115]. Имплицитные или эксплицитные сравнения современной ситуации с событиями прошлого Р. Пэрис называет **историческими метафорами** [15]. В рассматриваемом примере Россия сравнивается не просто со зданием, а с храмом Артемиды в Эфесе, одним из семи чудес античного мира, и наделяется тем самым ореолом величия, святости и высокой культуры. Сепаратисты, в свою очередь, изображены как Герострат, «один безумец», который поджег великий храм, желая приобрести бессмертную, пусть и позорную, славу. В русском языке существует несколько пейоративно окрашенных фразеологизмов-синонимов, отразивших эту прецедентную ситуацию: *слава Герострата, геростратова слава, лавры Герострата*. Все они имеют значение 'слава, равная вечному позору; постыдная известность человека, который прославился только путем разрушения того, что создано другими' [9]. Используя историческую метафору, Н.И. Герасимов дискредитирует сепаратистов, приписывая им такие качества, как безумие, непомерное честолюбие и невежество.

Важно отметить, что две, на первый взгляд, разнонаправленные тенденции в использовании метафоры дома, реализующие кооперационную (Россия – большой дом для всех народов) и конфронтационную (русские – хозяева, а инородцы – гости) стратегии, часто сочетаются в одном контексте. В этом случае признается, что Россия – это дом, в котором все народы живут счастливо, но все-таки именно русскому народу принадлежат права хозяина, а значит, инородцы должны ему подчиняться.

*...Не должны **хозяйничать** в России те иностранцы, которые нагрянули к нам со времен реформ Петра Великого и, найдя у нас **гостеприимный, радушный прием**, стремились и доселе стремятся присвоить себе господствующее значение...* (В.А. Грингмут. Русский народ в России).

На этой же метафоре построено стихотворение активной участницы консервативного движения начала XX в. Л.А. Кологривовой, строки из которого приведены в названии данной статьи:

*Святой молитвой и трудом,
Снося невзгоды и страданья,
Народ свой **отчий строил дом**,
Слагал Руси державной **зданье**.
Терпя неволи страшный бич,
В борьбу и мир, без перемены,
За кирпичом он клал кирпич
И возводил всё выше стены.
И вот **чертог** его готов,
Широко дверь раскрыта дома,
И он соседей и рабов
Зовет на пир в свои хоромы.
Хотя страны подвластный **сын**
Здесь встретил ласку и вниманье,
Народ лишь Русский – **господин**,
Просторный дом – его созданье.*

Стоит отметить, что схожим прагматическим потенциалом обладает семейная метафора, согласно которой все народы, входящие в состав империи, являются братьями, однако русский народ как старший имеет превосходство над младшими.

Когда субординация нарушается и гости начинают *хозяйничать* в доме, *плевать хозяину в ясные очи издевательскими плевыми* (Н.Е. Марков) (то есть когда инородцы начинают требовать автономии), дом оскверняется:

*Выходит, Россия – это **постоялый двор**, где хозяина не видать и где всякий заезжий является хозяином, а если появится настоящий хозяин, то нужно высокомерно разговаривать с ним или даже... **наплевать на него**...* (Д.В. Скрынченко. О национализме).

Государство, в котором нет хозяина, теряет священный статус дома и превращается во что-то иное. Такая участь, по мнению В.Л. Величко, постигла Швейцарию, которая *превратилась в огромный космополитический ресторан с отдельными кабинетами для посетителей всех наций* (из статьи «Отвлеченный и живой человек»).

Метафорическая модель дома эксплуатируется русскими националистами прежде всего для того, чтобы выстроить оппозицию «хозяин – гости». Метафора дома у националистов начала XX века в корне отличается от аналогичной метафоры периода перестройки, профилировавшей идею рационального изменения. Напротив, русские националисты крайне отрицательно относились к возможности перестройки государственного здания, к преобразованию Российской империи в «Соединенные штаты Восточной Европы и Северной Азии». *Перестроить* империю, по их мнению, стремились лишь враждебные инородцы и недальновидные либералы.

[М.С. Грушевский] *умоляет их при перестройке России на началах „национально-территориальной автономии“ всех ее народностей не забывать об Украине с ее 30-миллионным населением* (А.С. Будилович. Украиномания у нас и за рубежом).

В некоторых случаях русские националисты отмечают, что, может быть, перестройка и необходима, но в данный момент в силу сложившихся обстоятельств она невозможна и способна привести лишь к плачевным последствиям. Под неблагоприятными обстоятельствами имеются в виду революционные и сепаратистские выступления, сравниваемые с войной или стихийным бедствием. Здесь метафора дома сочетается с военной метафорой или метафорой стихийных бедствий. М.А. Стаховича, произнесшего знаменитую в свое время речь в защиту свободы совести, В.Л. Величко называет *рьяным инженером, который пожелал блеснуть своими зодческими дарованиями и стал перестраивать крепость, разбирать ее стены и разбивать скверы с цветниками в ту минуту, когда со всех сторон враги лезут на приступ*. Публицист считает такие действия несвоевременными: *В таких случаях надо укрепляться и защищаться, а для перестройки надо ждать лучших дней* (из статьи «Инородцы и окраины»). Похожую метафору использовал Н.Е. Марков в своей парламентской речи 12 мая 1908 г. Революционные настроения в Финляндии он сравнивает с *пожаром на чердаке государственного здания*. Вместо того чтобы *тушить пожар, домоправитель* (имеется в виду премьер-министр П.А. Столыпин) *собирается создавать новые строительные правила и строить дом на новых началах, советуясь с поджигателями* (финскими сепаратистами). С помощью данной метафоры депутат-консерватор дискредитирует намерения либералов изменить существующий государственный строй.

«Каждая новая эпоха приносит изменения в систему базисных метафор», – замечает А.П. Чудинов [12]. Это справедливо и в отношении метафоры дома, которая наполняется разными смыслами и несет разный эмоциональный заряд в разных политических дискурсах. Что касается дискурса русских националистов начала XX в., то в нем основной концептуальный вектор данной метафоры – идея господствующего положения русского народа как народа-строителя Российской империи. Основополагающая для политического дискурса оппозиция «свой – чужие» в данном случае приобретает вид метафорической антитезы «хозяин – гости». Еще более конфронтационными являются метафоры, представляющие сепаратистов как разрушителей общего дома. Но важно отметить, что зафиксированы контексты, в которых метафора дома реализует кооперационную стратегию, профилируя идею единения разных народов в составе Российской империи, и тем самым сближается с семейной метафорой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адясова Л.Ю. Концепт *Советский Союз* и его языковая экспликация в современном российском медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М., 2014.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
5. Громыко С.А. П.А. Крушеван – думский оратор: риторико-прагматические особенности выступлений // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2016. № 4.
6. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

8. Разинкина Н.С. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917–1956 гг.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. № 344.
9. Словарь крылатых слов и выражений. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords/.
10. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>.
11. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006.
12. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>.
13. Hülse R. Imagine the EU: the metaphorical construction of a supra-nationalist identity. URL: http://www.gsi.uni-muenchen.de/personen/wiss_mitarbeiter/huelsse/5_publ_huelsse/pdf_huelsse/jird_2006.pdf.
14. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? URL: https://www.researchgate.net/publication/247201404_Political_Imagery_of_Europe_A_House_Without_Exit_Doors.
15. Paris R. Kosovo and the Metaphor War. URL: <http://aix1.uottawa.ca/~rparis/Metaphor.pdf>.
16. Ringmar E. Metaphors of Social Order in Europe, China & Japan. URL: <http://eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Ringmar.pdf>.

Поступила в редакцию 22.02.17

E.P. Dulesov

**THE HOUSE METAPHOR IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN NATIONALISTS
AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY**

The paper investigates the metaphoric model ‘The state is the house’ in the discourse of Russian nationalists at the beginning of the 20th century. It is found that the house metaphor performs different functions: it is used as a tool of both confrontational and cooperative speech strategies. Most frequently it highlights the idea of the dominant position of the Russian nation. In this case it can be considered as a part of the metaphoric model of economics that describes the Russian Empire as the property owned by Russians. Right-wing politicians and publicists reason as follows: the Russian nation built the house (created the Russian Empire), hence it is the host of this house, and all other nations are its guests who can count on a warm welcome, but do not have the right to make demands of the host. Thereby the opposition of Us and Them, typical for political discourse, transforms into a metaphoric antithesis ‘host – guests’. Furthermore, there is a group of still more confrontational house metaphors that portray separatists as destroyers of a common house. At the same time, Russian nationalists employ the house metaphor in another function – to highlight the idea of unity of different nations in the Russian Empire and to show non-Russian peoples readiness to cooperate.

Keywords: cognitive metaphor, metaphorical model, political discourse, Russian nationalism, political metaphorology.

Дулесов Евгений Павлович, аспирант

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: evdules@gmail.com

Dulesov E.P., postgraduate student

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: evdules@gmail.com